

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8222

УДК 821.161.1.09“18”

Н. П. Жилина*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Российская Федерация)*

nzhilina@rambler.ru

Т. Жилина-Элс*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Калининград, Российская Федерация)*

tzematerials@gmail.com

Юродство как подвиг истинной святости в творчестве русских писателей XIX века

Аннотация. В статье рассматривается явление «юродства Христа ради», изображенное в произведениях русских писателей XIX в.: А. С. Пушкина («Борис Годунов»), О. М. Сомова («Юродивый»), А. Н. Островского («Козьма Захарьич Минин, Сухорук»), Л. Н. Толстого («Детство»). Детальный анализ художественных текстов с применением аксиологического подхода и толкование образов героев в терминах богословия иконы показывают, что юродивый изображается в них как «человек обратной перспективы» — в этом состоит новизна данного исследования. Поведение героев позволяет сделать вывод о невозможности причисления их к смеховой культуре и игре, поскольку их жизнь не разделяется на «дневную» и «ночную», внешнюю и внутреннюю, они постоянно пребывают в том особом состоянии отрешенности, которое показывает: существуя в «мире сем», юродивый принадлежит иному миру и подчиняется иному закону. Всех героев-юродивых в рассмотренных произведениях характеризует глубокая воцерковленность и отчетливо проявляющееся соборное начало. Отношение юродивых к людям, искреннее, детски чистое и совершенно бескорыстное, приводит к мысли, что в каждом из них писатель стремился воплотить христианский идеал. Юродство о Христе, отразившее существенные черты национального сознания, — это высшее проявление христианской веры, выражающееся в стремлении к полному отвержению ценностей мирской жизни, первая из которых — «мудрость мира сего» (1 Кор. 3:18–19).

Ключевые слова: Пушкин, Сомов, Островский, Толстой, юродивый, святость, православие, христианский идеал

Об авторах: Жилина Наталья Павловна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (ул. А. Невского, 14, г. Калининград, Российская Федерация, 236016); Жилина-Элс Татьяна — кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (ул. А. Невского, 14, г. Калининград, Российская Федерация, 236016)

Дата поступления: 01.02.2020

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Жилина Н. П., Жилина-Элс Т. Юродство как подвиг истинной святости в творчестве русских писателей XIX века // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 61–81. DOI: 10.15393/j.art.2020.8222

Возникновение «юродства Христа ради» как социокультурного явления ученые единодушно относят к первым векам христианства: первоначально утвердившись в Византии, оно затем получило весьма широкое распространение в православной Руси. В русском общественном сознании тема юродства актуализировалась только во второй половине XIX в., когда этот феномен вызвал интерес и привлек внимание отечественных исследователей. Невозможно не отметить тот факт, что в первых же работах, посвященных его осмыслению (1861 г.), проявилась подчеркнута светская, критическая позиция [Прыжов]. Однако изданная позднее книга известного историка В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871) носила иной характер: в ней содержались важные сведения о юродстве исторического и источниковедческого характера [Ключевский]. В самом конце XIX — начале XX вв. появились и труды религиозных авторов, в том числе книга священника Иоанна (Ковалевского) [Ковалевский], в которой был проведен детальный, системный анализ православного юродства. В первой половине XX в. в нашей стране по известным причинам эта тема оказалась почти полностью закрытой, а в 1960–1990-х гг. появился ряд статей, в которых юродивые были показаны как мошенники или люди с поврежденной психикой, используемые Церковью для обмана народных масс [Белов], [Будовниц], [Клибанов], [Лавров].

Новым этапом в исследовании отечественной наукой феномена юродства стала работа А. М. Панченко «Смех как зрелище», вошедшая в написанную совместно с Д. С. Лихачевым монографию «“Смеховой мир” Древней Руси» (1976) [Панченко] и вызвавшая полемику в научном мире. В частности, вскоре вышла статья Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского [Лотман, Успенский], в которой авторы утверждали невозможность причисления юродивых к смеховой культуре и игре,

указывая на исключительную серьезность их поведения и тем более идеологии. В дальнейшем Б. А. Успенский предложил свою концепцию юродства как дидактического типа антиповедения [Успенский]. Неправомерность интерпретации юродства в контексте смеховой культуры подчеркивал и известный отечественный филолог С. С. Аверинцев [Аверинцев]. Проблема взаимосвязи юродства и смеха была поставлена в работе Ю. В. Манна [Манн], который противопоставил смех юродивого и смех над юродивым амбивалентному карнавальному смеху и отметил, что комическое в литературе Нового времени часто утверждает иерархию ценностей и, следовательно, связано с этикой. В 1997 г. появилась монография Т. А. Недоспасовой «Русское юродство XI–XVI вв.» [Недоспасова], в которой была предпринята попытка выявить сущность русского юродства и особенности восприятия его окружающим миром, а также реконструировать собирательный образ русского юродивого на основе житийной литературы. Значительным вкладом в исследование феномена юродства стала работа И. А. Есаулова [Есаулов, 2004]. Согласно концепции ученого, глубинную ориентацию русской и западной духовной традиции определяют пасхальный и рождественский архетипы, выделить которые в литературных произведениях оказывается возможным, — в частности, при сопоставлении юродства и шутовства.

В XXI в. в отечественной науке усилился интерес к феномену юродства, прежде всего — в плане системного рассмотрения образа юродивого как типа литературного героя и его воплощения в литературе Нового времени. Появилось несколько диссертаций по этой проблеме [Мартиросян], [Мотеюнайте], [Янчевская], авторы которых, при всем различии поставленных ими целей и задач, выявляли механизмы расширения понятия и показывали, что юродство для русской литературы становится способом воплощения особенностей характера национального героя и построения духовно-нравственного идеала. В 2010 г. была опубликована монография Н. Н. Ростовской «Человек обратной перспективы: опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради» [Ростова], которая представляла собой первое в отечественной науке исследование

феномена юродства с позиций философской антропологии. Придерживаясь мнения, что юродство олицетворяет собой соборное начало и немислимо вне христианской церкви, Н. Н. Ростова предложила толкование юродивого в терминах богословия иконы — как «человека обратной перспективы», а его поведение — как «умозрение в поступках». Думается, такой подход может оказаться продуктивным при анализе литературных произведений русских писателей XIX в.

В данной статье материалом для анализа стали художественные тексты, в которых герой получил авторскую номинацию «юродивый»: «Борис Годунов» А. С. Пушкина (1825), «Юродивый» О. М. Сомова (1827), «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (Первая редакция, 1861) А. Н. Островского и «Детство» Л. Н. Толстого (1852).

Начнем наш анализ с рассмотрения повести «Детство» Л. Н. Толстого. Необычный человек, неожиданно появившийся в доме Иртеньевых, увиден глазами десятилетнего Николеньки, выполняющего в произведении роль героя-повествователя. В портрете странника Гриши выделяются детали, бросающиеся в глаза: длинные седые волосы, редкая рыжеватая бородка и очень большой рост. Внимание мальчика привлекают огромный посох и необычная одежда пришедшего:

«...что-то изорванное, похожее на кафтан и на подрясник»¹.

Особенное впечатление производят глаза на изрытом оспою лице:

«Он был крив на один глаз, и белый зрачок этого глаза прыгал беспрестанно и придавал его и без того некрасивому лицу еще более отвратительное выражение» (Толстой: 32).

Удивляет и странное поведение путника:

«Войдя в комнату <...> он захохотал самым страшным и неестественным образом...» (Толстой: 32).

Взгляд ребенка в повести незаметно сменяется точкой зрения этого же героя, но уже взрослого, а конкретика впечатления переходит в рассуждение по поводу биографии странника:

«Откуда был он? кто были его родители? что побудило его избрать странническую жизнь, какую он вел? Никто не знал этого. Знаю только то, что он с пятнадцатого года стал известен как юродивый, который зиму и лето ходит босиком, посещает монастыри, дарит образочки тем, кого полюбит, и говорит загадочные слова, которые некоторыми принимаются за предсказания, что никто никогда не знал его в другом виде, что он изредка хаживал к бабушке и что одни говорили, будто он несчастный сын богатых родителей и чистая душа, а другие, что он просто мужик и лентяй» (Толстой: 33).

Так появляется характеристика юродивого, в которой представлены типичные черты людей этой социальной группы: необычный внешний вид (всегда рваное одеяние, отсутствие обуви), загадочное косноязычие, непонятное поведение. Кроме того, передано неоднозначное восприятие окружающими этого человека: «...одни говорили <...> а другие...». В семье Иртеньевых также нет единства мнений: отец считает, что весь образ жизни странника основан на прямом обмане, матушка же приводит свои, очень веские доводы в его защиту:

«...трудно поверить, чтобы человек, который, несмотря на свои шестьдесят лет, зиму и лето ходит босой и, не снимая, носит под платьем вериги в два пуда весом и который не раз отказывался от предложений жить спокойно и на всем готовом, — трудно поверить, чтобы такой человек все это делал только из лени» (Толстой: 35–36).

Опыт ее жизни свидетельствует о прозорливости таких людей, а может быть, и об их ясновидении, ведь один из них, по ее словам, «день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину» (Толстой: 36). Таким образом, в отношении родителей к людям такого типа отражается та противоположность мнений, которая существовала в обществе. За обедом странник вспоминает об охотнике, который пытался затравить его собаками: такие случаи были нередки, юродивые терпели не только различные унижения, но и физическое насилие, результатом чего могла быть и смерть. Их отношение к этому было неизменным: по точному замечанию И. А. Есаулова, юродивый «терпит побои, лишения — и молится за своих обидчиков» [Есаулов, 2004: 160].

Рассказывая о страшном событии, странник Гриша также просит отца Николеньки не наказывать этого охотника. Старшему Иртеньеву, впервые узнавшему об этом эпизоде, такая просьба представляется лишенной всякой логики и вызывает иронию: «Почем же он знает, что я хочу наказывать этого охотника?» (*Толстой*: 35). Так выявляется еще одна особенность, присущая юродивым: алогичное мышление, совмещающее различные по времени и месту события и людей.

Спор между родителями прерывается с окончанием обеда, но для читателя знакомство с Гришей на этом не кончается. По предложению главного героя, дети пробираются вечером в чулан, чтобы подглядеть Гришины вериги, и становятся свидетелями уединенной молитвы юродивого в отведенной ему на ночь комнате. Внимательно наблюдающий за всем Николенька отмечает каждую деталь, каждый жест странника и видит перемену, произошедшую с ним:

«Лицо его теперь не выражало, как обыкновенно, торопливости и тупоумия; напротив, он был спокоен, задумчив и даже величав» (*Толстой*: 51–52).

По наблюдениям мальчика, молитвенное состояние Гриши проходит несколько этапов: сначала он «молча стоял перед иконами», «опустив голову и беспрестанно тяжело вздыхая», потом, опустившись на колени, стал тихо говорить «известные молитвы», повторяя их снова и снова, а затем:

«...начал говорить свои слова, с заметным усилием стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Он молился о всех благодетелях своих (так он называл тех, которые принимали его), в том числе о матушке, о нас, молился о себе, просил, чтобы Бог простил ему его тяжкие грехи, твердил: “Боже, прости врагам моим!” — кряхтя поднимался и, повторяя еще и еще те же слова, припадал к земле и опять поднимался, несмотря на тяжесть вериг, которые издавали сухой резкий звук, ударяясь о землю» (*Толстой*: 52).

Николенька следит за всеми движениями и словами Гриши «с чувством детского удивления, жалости и благоговения», и его настроение неожиданно меняется:

«Вместо веселия и смеха, на которые я рассчитывал, входя в чулан, я чувствовал дрожь и замирание сердца» (*Толстой*: 52).

Особенное впечатление произвела на мальчика полнота самозабвения юродивого, — он произносил следующие слова:

«Прости мя, Господи, научи мя, что творить... научи мя, что творити, Господи!» — с таким выражением, как будто ожидал сейчас же ответа на свои слова <...> «Да будет воля Твоя!» — закричал он вдруг с неподражаемым выражением, упал лбом на землю и зарыдал, как ребенок» (*Толстой*: 53).

Точку зрения мальчика вновь сменяет сознание повзрослевшего рассказчика, пронесшего эти воспоминания через много лет. Временная дистанция и накопленный за прошедшие годы опыт позволяют еще сильнее ощутить все пережитое в те минуты и понять глубокую искренность чувств, переполнявших тогда душу юродивого:

«О великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость Бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих — ты их не поверял рассудком... И какую высокую хвалу ты принес Его величю, когда, не находя слов, в слезах повалился на землю!..» (*Толстой*: 53).

Эта оценка оказывается тем более важной, что исходит от человека, уже утратившего веру в Бога и отошедшего от церкви, о чем читатель узнает из дальнейших событий трилогии.

Описание толстовского странника помогает также понять волновавшую многих исследователей проблему: безумен ли юродивый в медицинском смысле слова или он публично симулирует сумасшествие, и его безумие притворно, являясь только личиной, используемой для определенных целей? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать важный факт: в житиях всех святых юродивых обязательно указывалось, что они в той или иной форме получили благословение на свой подвиг. Христианская традиция в целом определяет юродство как мнимое безумие и подчеркивает в них ясное сознание и душевное здоровье [Живов: 106], [Христианство: 286–287].

С другой стороны, правомерно ли думать, что юродивый в чьем-то присутствии как бы «надевает маску», которую снимает, оставшись наедине? В повести Толстого содержится

недвусмысленный ответ на этот вопрос. Искренность странника Гриши ни на людях, ни в уединении не может быть подвергнута сомнению, тем более что все происходящее увидено глазами ребенка, в художественных произведениях метафорически воплощающего в себе душевную чистоту и тонкую интуицию, что в полной мере относится и к герою Толстого. В довершение нельзя не отметить, что в той, по мнению мальчика, «нелепице», которую они слышали от Гриши в столовой, через некоторое время раскрылся тайный смысл, а высказанная матушкой Николеньки мысль о прозорливости юродивых нашла свое подтверждение. «О-ох жалко! О-ох больно!.. сердечные... улетят», «Жалко!.. улетела... улетит голубь в небо... ох, на могиле камень!..», — эти бессвязные непонятные слова, произнесенные «дрожащим от слез голосом» (*Толстой*: 32–34), как потом оказалось, относились к детям, которые в скором времени потеряют мать и «улетят» из родного дома навсегда.

Так в повести Толстого разрешился спор не только о страннике Грише, но и о сущности *юродства Христа ради* как явления.

Несомненным даром ясновидения наделен и персонаж повести Ореста Сомова «Юродивый» (1827), сюжетная организация которой имеет в своей основе ситуацию прозрения. Хотя главным героем повести является офицер Мельский, недавно переведенный в эти места, ее заглавие ставит в центр повествования другого персонажа — странного, необычного, воспринимаемого окружающими как ненормальный, дурачок, полоумный. Знакомство с ним Мельского происходит ночью, когда молодой офицер, возвращавшийся из загородной поездки, чуть не наехал на своей лихой тройке на какой-то черный предмет и обнаружил, что это человек:

«...он лежал на краю дороги, поджав ноги под платье и укутав голову рукою, и, казалось, спал крепким сном»².

Когда человек встал на ноги, кучер узнал его:

«— А, да это наш полоумный, — вскричал кучер, очнувшись от страха, — в городе зовут его *Василь дурный*» (*Сомов*: 88).

Когда же Мельский послал кучера поискать лошадей, то услышал предсказание юродивого: «Ступай! <...> Найдешь и не

возьмешь; отзовутся и не дадутся» (*Сомов*: 88), которое затем исполнилось в точности. Позже Мельский становится свидетелем его разговора с часовым на городской заставе, где снова обнаружились особые, тайные знания полоумного. Воспитанный «в нынешнем веке и по-нынешнему, следовательно, вовсе без предрассудков» (*Сомов*: 88), молодой офицер с удивлением понимает, что столкнулся с некой загадкой; решив разобраться, он заводит разговор с необычным человеком:

«— Где ты живешь? — спросил он у полоумного.

— Под небом на земле, — отрывисто отвечал Василь.

— Верю; но где твой дом?

— Здесь нет; а там! — сказал юродивый, подняв палку вверх и очертя ею полкруга в воздухе» (*Сомов*: 89).

В ходе первой же встречи центрального героя со странным человеком становится ясно, что главный «недостаток ума» проявляется в его нежелании жить согласно общепринятым житейским правилам. Мельский быстро понимает, что Василь, отказавшийся от практического «разума», обладает несравнимо более глубоким, проникающим в запредельное пространство умом, выделяющим его из всех окружающих. Предложив юродивому переночевать, Мельский приводит его к себе на квартиру:

«Весело, светло, красно! — сказал он, войдя в комнату. — Много казны, много казны! — и запел старинную песнь *о блудном сыне*:

“О горе мне, грешнику сушу!

Горе, благих дел не имущу!”» (*Сомов*: 90).

Иносказательность, притчевая образность, свойственная речи юродивого, долгое время остается непонятной Мельскому, который продолжает вести прежний образ жизни, несмотря на предупреждения Василя, сделанные в своеобразной форме. Не вняв непонятным для него словам странника, Мельский отправляется на бал, где неожиданно получает вызов на дуэль от незнакомого офицера.

В описании дуэли ярче всего показано необычное поведение юродивого: неожиданно появившись на месте поединка, он в решающий момент оказывается между противниками,

пытаясь остановить их, — и падает, сраженный пулей артиллерийского офицера. В этот момент читателю становятся понятны странные фразы Василя, сказанные им во время последней встречи с Мельским: предвидя будущие события, юродивый пытался предостеречь его от поездки на бал, но не смог. Помогая раненому, оба дуэлянта оказались рядом, выяснили истинную причину вызова и согласились на примирение. Наклонившись к раненому, Мельский услышал его слова:

«Я знал, чем кончится, — говорил Василь слабым, но внятным голосом, — Бог положил это мне на сердце. Я знал, что поведу тебя на могилу твоей тетки: ты с приезда сюда не был еще у нее на могиле. Добрая, добрая была у тебя тетка: любила нищую братию и много ее наделяла. Василь был от нее и сыт, и одет, и пригрет!.. Десять лет как она отошла к Отцу Небесному... От того и тебя полюбил я с первого взгляда, хотел узнать тебя поближе, да тебе было не до меня: суета сует закружила тебя. Я хотел отблагодарить за хлеб-соль твоей тетки; сказал, что помешаю тебе лежать, — и помешал» (Сомов: 102).

Особым образом подчеркивается в повести отношение юродивого к жизни и смерти: он находится в том внутреннем состоянии, когда смерть ощущается всего лишь как переход из одного измерения в другое.

Сюжетная ситуация *прозрения* воплощена в повести и композиционными средствами: читатель знакомится с главным героем, когда он *весело* едет из поездки в гости, — расставание же происходит в тот момент, когда он *грустно* возвращается с кладбища после похорон. Человек, появившийся в эти несколько дней в жизни Мельского, заставил его задуматься о ее смысле, об истинных и ложных ценностях, о мире *дольнем* и мире *горнем*. Отношение юродивого к людям, искреннее, детски чистое и совершенно бескорыстное, как это видно на примере с Мельским, приводит к мысли, что Орест Сомов стремился создать в повести образ человека, заключающего в своей душе христианский идеал.

Небольшая по объему роль юродивого в пьесе А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (Первая редакция, 1861) имеет огромный смысл и занимает важное место в ее

сюжетной и идейной структуре. События драматической хроники разворачиваются в Нижнем Новгороде в Смутное время, летом 1611 г., когда Москва уже занята поляками, а государство близко к распаду. Экспозиция в пьесе организована так, что из разговора двух купцов зрителю становится понятно общее положение вещей и настроения в народе. Часть нижегородцев, вдохновленная земским старостой Козьмой Мининым, который «разумными речами утверждает / В народе крепость»³, готова вступить в ополчение, чтобы двинуться на Москву:

«Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани» (*Островский*: 11).

Другие горожане, прежде всего зажиточные купцы, видя в таких призывах безусловную опасность для своего положения, сомневаются, следует ли вмешиваться:

«Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!» (*Островский*: 11).

Появление в этот момент на сцене юродивого Гриши переводит действие в иной регистр: метафорически наполненная речь мальчика, неясная для окружающих, оказывается понятной зрителям, поскольку определяет вектор будущих событий. Центральным в словах юродивого становится образ дороги, почти сказочной, такой длинной, что если «встанет — / так до неба достанет. Все песками / Сыпучими да темными лесами / Дремучими» (*Островский*: 17). На вопрос «Куда ж дорога, Гриша?» он отвечает:

«К честным обителям. <...> Один пойдешь? <...> Нет, много, много» (*Островский*: 17).

Выясняется, что все последнее время он и подаяние просит, формулируя вполне определенно: «Подайте на дорогу!» (*Островский*: 16), а необходимость путешествия толкует так:

«...храмы там без богомольцев,
Без пения» (*Островский*: 18).

Тонкий и наблюдательный Минин заметил перемену, произошедшую с недавних пор в юродивом:

«Прослышал он про разоренье наше,
И слабый ум в нем больше помутился;
Еще он тише стал, еще святее,
И все собирается куда-то, денег
Все на дорогу просит. И за мной
Он следом ходит и в глаза мне смотрит,
Как будто он прочесть в них хочет что-то
Иль ждет чего» (*Островский*: 45).

И поступками, и словами Гриша как будто подталкивает народ к действию, а когда нижегородцы, исполненные решимости, собираются на площади, неся свои «животишки», отдавая нажитое добро для создания ополчения, на лобном месте появляется и юродивый:

«Вот денежки! Копеечки! Возьмите!
Их много, много!» (*Островский*: 114).

Только теперь становится понятна его прозорливость, и горожане оценивают «малоумного» по достоинству:

«Вот он собирал
Все на дорогу-то! — Выходит, правда. —
Уж эти деньги, братцы, всех дороже»
(*Островский*: 114).

Подняв юродивого по его просьбе над толпой, чтобы дать ему доступ к свету, нижегородцы оказываются способны увидеть то, что он воспринимает внутренним зрением:

«Обители, соборы, много храмов,
Стена высокая, дворцы, палаты,
Кругом стены посады протянулись,
Далеко в поле слободы легли,
Всё по горам сады, на церквах главы
Всё золотые. Вот одна всех выше
На солнышке играет голова,
Река, как лента, вьется... Кремль!.. Москва!..»
(*Островский*: 115).

Пьеса завершается проводами ополчения, в рядах которого юродивый с оружием отправляется освобождать Москву:

«Народ:

— Прощайте, божьи воины! — Помогите вам Господь! — Вы за нас страдальцы, а мы за вас богомольцы!» (*Островский*: 138).

В составе действующих лиц драматической хроники Островского два героя кардинально отличаются от всех остальных. Один — Козьма Захарьич Минин, обыкновенный земский староста, из торгового сословия, обладающий способностью чувствовать чужое как свое и понявший, что лишь великим молитвенным трудом можно очистить свою душу настолько, чтобы вывести людей из обыденного строя жизни и поднять их на подвиг:

«Молись да жди, пока Господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усомнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований
И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь...» (*Островский*: 53).

Именно так — забыв себя, свою семью и весь строй прежней жизни, он сумел добиться высокой цели — спасения страны. Другой герой — юродивый Гриша, которому такая отрешенность от всего житейского и суетного, как и возможность духовного единения со всем миром, изначально дарована свыше. Соборное начало, присущее, как известно, православной ментальности (см.: [Есаулов, 1995]) и особенно сильно проявляющееся в кризисные периоды, в драматической хронике Островского наиболее ярко воплощают в себе эти два персонажа: спаситель Отечества Козьма Минин и «божий человек» с «нехитрым разумом» (*Островский*: 45) — юродивый мальчик Гриша.

Вероятно, самым известным юродивым в русской литературе является Николка из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Он появляется лишь в одной сцене, и вся его роль состоит из семи коротких реплик: диалога со старухой, подавшей ему копеечку с просьбой помолиться за нее, с мальчишками, отнявшими эту копеечку, и, наконец, с царем:

«Юродивый.
Борис, Борис! Николку дети обижают.
Царь.
Подать ему милостыню. О чем он плачет?
Юродивый.
Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать,
как зарезал ты маленького царевича.
Бояре.
Поди прочь, дурак! схватите дурака!
Царь.
Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка.
(Уходит).
Юродивый (ему вслед).
Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода —
Богородица не велит»⁴.

Ученые уже не раз отмечали, что в этих словах нет разоблачения, делающего тайное явным. Николка повторяет то, что «уж не ново», о чем говорят все персонажи с первой сцены. Однако именно «юродивый впервые в трагедии говорит убийце правду в лицо и провозглашает приговор “божьего суда”: отказ в молитве, запрещение Богородицы означает, что осужденный лишается всякой поддержки свыше и передается в руки “суда мирского”» [Непомнящий: 226–227].

По мере того как изучалось поведение юродивых, в научной литературе сложилось мнение, что их необычные поступки, смелые высказывания в адрес власть имущих были особой формой социального протеста. В произведениях Л. Толстого, О. Сомова, А. Островского такие ситуации отсутствовали, но у Пушкина она является важнейшей в сюжете. Одна из самых глубоких и точных ее интерпретаций принадлежит авторитетному отечественному пушкинисту В. С. Непомнящему, который убедительно показывает, исследуя структуру пушкинской трагедии, что речь Николки несет в себе не социальный, а неизмеримо более глубокий смысл. По мысли ученого, Юродивый, как и летописец Пимен, занимает особое положение среди всех действующих лиц пьесы: у этих персонажей «пророческая миссия», в них «показан закономерный, провиденциальный характер возмездия» [Непомнящий: 227], они передают «воплъ

совести народной» и даны в трагедии «как представители высшей правды» [Непомнящий: 231].

Итак, во всех рассмотренных произведениях персонажи-юродивые показаны авторами в определенном ключе. Прежде всего, им не свойственно то состояние, которое в словаре В. И. Даля обозначено словом «юродствовать», т. е. «напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельвали встарь шуты; шалить, дурить» [Даль: 669]. Все они воплощают в себе именно религиозный феномен — юродство о Христе. Кроме того, никто из этих героев на протяжении событий не позволил себе каких-либо поступков «безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда», и не допустил когда-либо «соблазнительные действия» [Христианство: 287]. Видимо, каждый из писателей в образе юродивого стремился показать, прежде всего, определенную сторону, чтобы не заронить в читателе никаких сомнений по поводу благочестия своего персонажа.

В то же время всех героев-юродивых в рассмотренных произведениях характеризует глубокая воцерковленность. Показательно, что их жизнь не разделяется на «дневную» и «ночную», внешнюю и внутреннюю, никто из них не надевает на людей личину безумия, чтобы снять ее наедине с собой, — они постоянно пребывают в том особом состоянии внутренней отрешенности, которое показывает: существуя в «мире сем», юродивый принадлежит *иному* миру и подчиняется *иному* закону. Именно об этом законе первый богослов Церкви ап. Павел писал, что он заключает в себе «для Иудеев соблазн, а для Еллинов — безумие» (1 Кор. 1:23): в то время как в языческих религиях приносились жертвы (нередко человеческие) богам, чтобы магическим образом на них воздействовать, в христианстве Бог принес Себя в жертву ради спасения людей, ничего не требуя взамен: «Жертва Богу — дух сокрушенный» (Пс. 50:19). Новый закон вводил и новое — небесное — измерение, и новую цель земной жизни: не достижение власти над соплеменниками, краем, государством или даже всем миром, не добывание всех возможных материальных благ, а стяжание Святого Духа и обретение Царствия Небесного в своей душе.

С точки зрения языческого здравого смысла несомненным безумием выглядел призыв возлюбить ближнего как самого себя, прощать всем обиды несчетное количество раз и воспринимать себя как самого большого грешника на земле. И уж совершенно невозможной казалась идея возлюбить Бога больше, чем самого любимого человека, и — в пределе — оставить все и следовать за Ним. Для языческого сознания все это было *противно разуму* и воспринималось как настоящее *с ума сшествие*, на которое мог быть способен только *юрод*, т. е. глупый, неразумный человек.

С философской точки зрения, «подобно двум типам живописи существуют и сосуществуют два взгляда на мир, два опыта жизни, два отношения к реальности — внешнее и внутреннее, линейно-перспективное и определенное обратной перспективой. Линейно-перспективное толкование мира предполагает индивидуализм, рационализм, секуляризацию, гуманизм, просвещение, наличие в мире причинно-следственных связей и следование им. Это мир нормированный, объясненный цепочкой причин и следствий. Обратная перспектива нарушает эту цепь, меняет звенья местами» [Ростова: 115]. Как иконописец, применяя принцип обратной перспективы [Флоренский], сознательно лишает себя точки наблюдения как центра видения, так юродивый отказом от своего «эго», от так называемой «самости» становится «божевольным» (т. е. полностью отдающимся воле Божией), достигая почти невозможной цели: поставить в центр собственной личности Бога. Всем своим поведением юродивый «утверждает высшую субстанциальность — Божественную волю» [Есаулов, 2004: 162].

В рассмотренных выше произведениях русских писателей со всей определенностью показывается, что юродство о Христе, отразившее существенные черты национального сознания, — это высшее проявление христианской веры, выражающееся в стремлении к полному отвержению ценностей мирской жизни, первая из которых — «мудрость мира сего» (1 Кор. 3:18–19). Слова апостола Павла «мы безумны Христа ради» (1 Кор. 4:10) имеют самое прямое отношение к любому верующему во Христа, но достичь всей полноты такого «безумия» способен только юродивый.

Примечания

- ¹ Толстой Л. Н. Детство // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 1. С. 32. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Толстой* и указанием страницы в круглых скобках.
- ² Сомов О. М. Юродивый. Малороссийская быль // Сомов О. М. Были и небылицы. М.: Советская Россия, 1984. С. 87. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Сомов* и указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Островский А. Н. Козьма Захарыч Минин, Сухорук (*Первая редакция*) // Островский А. Н. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 3. С. 10. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Островский* и указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 5. С. 300.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского — М.: Рос. ун-т, 1993. — С. 341–345.
2. Белов А. Христа ради юродивые // Наука и религия. — 1984. — № 6. — С. 32–46.
3. Будовниц И. У. Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. — М.: Наука, 1964. — Т. 12. — С. 183–197.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. — Т. 4. — 684 с.
5. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. — М.: Гнозис, 1994. — 112 с.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — 288 с.
7. Есаулов И. А. Юродство и шутство в русской литературе // Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — С. 155–185.
8. Клибанов И. А. Юродство как феномен русской средневековой культуры // Диспут. — 1992. — № 1 (январь—май). — С. 46–63.
9. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. — М.: Астрель, 2003. — 394 с.
10. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви: Исторический очерк и жития сиих подвижников благочестия. — М.: Б. и., 1902. — 183 с.
11. Лавров В. Юродивые, прорицатели и другие // Москва. — 1988. — № 3. — С. 163–166.
12. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. — 1977. — № 3. — С. 148–167.

13. Манн Ю. В. Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. — 1995. — Вып. 1. — С. 154–182.
14. Мартиросян О. А. Юродство в русском литературном сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Архангельск, 2011. — 21 с.
15. Мотеюнайте И. В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX вв.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. — Псков, 2006. — 304 с.
16. Недоспасова Т. А. Русское юродство XI–XVI вв. — М.: ЛитРес, 1997. — 128 с.
17. Непомнящий В. С. «Наименее понятый жанр» // Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. — М.: Сов. писатель, 1983. — С. 212–250.
18. Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. — Л.: Наука, 1976. — С. 91–194.
19. Прыжов И. Г. Нищие и юродивые на Руси. — СПб.: Авалонъ, Азбука-классика, 2008. — 256 с.
20. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы: Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради. — М.: МГИУ, 2010. — 140 с.
21. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. — М.: Наука, 1985. — С. 326–336.
22. Флоренский П. А. Обратная перспектива // Флоренский П. А., свящ. Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1999. — Т. 3 (1). — С. 46–101.
23. Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. — М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1995. — Т. 3. — 783 с.
24. Янчевская К. А. Юродство в русской литературе второй половины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Барнаул, 2004. — 195 с.

Natalia P. Zhilina

*Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)*

nzhilina@rambler.ru

Tatiana Zylina-Els

*Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)*

tzematerials@gmail.com

Foolishness-for-Christ as a Feat of True Sanctity in the Works of Russian Writers of 19th Century

Abstract. The article studies the phenomenon of “foolishness-for-Christ” depicted in the works of Russian writers of the 19 century, e. g. A. Pushkin’s *Boris Godunov*, O. Somov’s *A Fool-for-Christ*, A. Ostrovsky’s *Kozma Zakharyich Minin*, Sukhoruk, L. Tolstoy’s *Childhood*. The novelty of the research is presented primarily in the use of an axiological method for analysis of works of fiction as well as in interpretation of characters in terms of theology which proves that a “God’s fool” is shown as a person of an inverse perspective. The characters cannot be considered as part of the joking culture and the game, their life is never divided into night and day time, inner or outerdomains. They exist in the realm of “foolishness-in-Christ” that proves that while living in this world they belong to a different one and obey another law. In the studied literary works all the “holy fool” characters are marked by deep spiritual involvement and apparent conciliarism. They treat people with childlike sincerity and unselfishness personifying, thus, the Christian ideal of the writers. In these literary works “foolishness-for-Christ” displaying traits of national mentality is presented as the avatar of Christian faith manifested in a complete denial of worldly life and values, the first of which is “the wisdom of the world” (1 Kor. 3:18–19).

Keywords: Pushkin, Somov, Ostrovsky, Tolstoy, foolishness-for-Christ, holy fool, sanctity, Orthodoxy, Christian ideal

About the authors: *Zhilina Natalia P.* — Doctor of Philology, Professor of the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (ul. A. Nevskogo 14, Kaliningrad, 236016, Russian Federation); *Zylina-Els Tatiana* — PhD in Filology, Associate Professor of the Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (ul. A. Nevskogo 14, Kaliningrad, 236016, Russian Federation)

Received: February 1, 2020

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Zhilina N. P., Zylina-Els T. Foolishness-for-Christ as a Feat of True Sanctity in the Works of Russian Writers of 19th Century. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 61–81. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8222 (In Russ.)

References

1. Averintsev S. S. Bakhtin and the Russian Attitude to Laughter. In: *Ot mifa k literature: sbornik v chest' 75-letiya E. M. Meletinskogo* [From Myth to Literature: A Collection on the Occasion of the 75th Birthday of E. M. Meletinsky]. Moscow, Rossiyskiy universitet Publ., 1993, pp. 341–345. (In Russ.)
2. Belov A. Fools-for-Christ. In: *Nauka i religiya*, 1984, no. 6, pp. 32–46. (In Russ.)
3. Budovnits I. U. Fools-for-Christ in Ancient Russia. In: *Voprosy istorii religii i ateizma* [Issues of the History of Religion and Atheism]. Moscow, Nauka Publ., 1964, vol. 12, pp. 183–197. (In Russ.)
4. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 tomakh* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries Publ., 1955, vol. 4. 684 p. (In Russ.)
5. Zhivov V. M. *Svyatost'. Kratkiy slovar' agiograficheskikh terminov* [Sanctity. A Brief Dictionary of Agiographic Terms]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 112 p. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost' in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. Foolishness-for-Christ and Buffiinity in Russian Literature. In: *Esaulov I. A. Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [Esaulov I. A. Paskhal'nost' of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004, pp. 155–185. (In Russ.)
8. Klibanov I. A. Foolishness-for-Christ as a Phenomenon of Russian Medieval Culture. In: *Disput*, 1992, no. 1 (January—May), pp. 46–63. (In Russ.)
9. Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Ancient Russian Lives as Historical Source]. Moscow, Astrel' Publ., 2003. 394 p. (In Russ.)
10. Kovalevskiy I. *Yurodstvo o Khriste i Khrista radi yurodivye Vostochnoy i Russkoy tserkvi: istoricheskiy ocherk i zhitiya siikh podvizhnikov blagochestiya* [Foolishness-for-Christ and Holy Fools in the Eastern and Russian Church: A Historical Essay and Vitae of These Pious Ascetics]. Moscow, 1902. 183 p. (In Russ.)
11. Lavrov V. Fools-for-Christ, Prophets, and Others. In: *Moscow*, 1988, no. 3, pp. 163–166. (In Russ.)
12. Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. New Aspects of Studying the Culture of Ancient Russia. In: *Voprosy literatury*, 1977, no. 3, pp. 148–167. (In Russ.)
13. Mann Yu. V. Carnival and Its Surroundings. In: *Voprosy literatury*, 1995, vol. 1, pp. 154–182. (In Russ.)
14. Martirosyan O. A. *Yurodstvo v russkom literaturnom soznanii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Foolishness-for-Christ in Russian Literary Consciousness. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Arkhangelsk, 2011. 21 p. (In Russ.)
15. Moteyunayte I. V. *Vospriyatie yurodstva russkoy literaturoy XIX–XX vv.: dis. ... d-ra filol. nauk* [Comprehension of Foolishness-for-Christ in Russian Literature of the 19th — 20th Century. PhD. philol. sci. diss.]. Pskov, 2006. 304 p. (In Russ.)

16. Nedospasova T. A. *Russkoe yurodstvo XI–XVI vv.* [*The Russian Foolishness-for-Christ in the 11th — 16th Centuries*]. Moscow, LitRes Publ., 1997. 128 p. (In Russ.)
17. Nepomnyashchiy V. S. The Least Apprehensible Genre. In: *Nepomnyashchiy V. S. Poeziya i sud'ba* [*Nepomnyashchiy V. S. Poetry and Fate*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1983, pp. 212–250. (In Russ.)
18. Panchenko A. M. Laughter as a Performance. In: *Likhachev D. S., Panchenko A. M. «Smekhovoy mir» Drevney Rusi* [*Likhachev D. S., Panchenko A. M. “Laughter World” of Kievan Rus*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 91–194. (In Russ.)
19. Pryzhov I. G. *Nishchie i yurodivye na Rusi* [*The Poor and Fools-for-Christ in Russia*]. St. Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ., 2008. 256 p. (In Russ.)
20. Rostova N. N. *Chelovek obratnoy perspektivy: opyt filosofskogo osmysleniya fenomena yurodstva Khrista radi* [*A Person of an Inverse Perspective: Philosophical Comprehension of the Phenomenon of Foolishness-for-Christ*]. Moscow, Moscow State Industrial University Publ., 2010. 140 p. (In Russ.)
21. Uspenskiy B. A. Antibeavior in the Culture of Ancient Russia. In: *Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya* [*The Problems of Studying Cultural Heritage*]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 326–336. (In Russ.)
22. Florenskiy P. A. An Inverse Perspective. In: *Florenskiy P. A. Sochineniya: v 4 tomakh* [*Florensky P. A. Writings: in 4 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1999, vol. 3 (1), pp. 46–98. (In Russ.)
23. *Khristianstvo: entsiklopedicheskiy slovar': v 3 tomakh* [*Christianity: Encyclopedic Dictionary: in 3 Vols*]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 1995, vol. 3. 783 p. (In Russ.)
24. Yanchevskaya K. A. *Yurodstvo v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v.: dis. ... kand. filol. nauk* [*Foolishness-for-Christ in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century. PhD. philol. sci. diss.*]. Barnaul, 2004. 195 p. (In Russ.)